

Г.Т. Бакиева

Российское государство и сибирские татары в XVII – начале XX в.: конфессиональный аспект

Ключевые слова: сибирские татары, мусульмане, православные, крещение, русификация, русско-татарские браки, религиозное образование, политика государства.

Важной составной частью политики Российского государства в отношении сибирских «инородцев» была конфессиональная политика. Ее основная цель – распространение православия – являлось важным инструментом для русификации этих народов. Это коснулось и сибирских татар, которые были мусульманами-суннитами.

В XVII в. официальные власти не так настойчиво содействовали распространению православия среди нерусских народов Сибири. В этот период разрешалось крестить «иноверцев» только по их собственному желанию. В указе 1685 г. местным органам управления предписывалось «добровольно желающих в православную христианскую веру принимать, и крестить, и... которые крестятся, и к тем держать ласку и привет, и чтоб на них смотря и иные иноземцы православные христианские веры пожелали» [1, с. 57–58].

Политика веротерпимости и запрещение массового крещения были связаны, как отмечает Н.А. Миненко, с опасением «потерять такой важный источник доходов, как ясачные платежи» [2, с. 263–264], поскольку при переходе в разряд «новокрещенных» с ясачных людей слагалась обязанность по уплате ясака. По мнению Е.М. Главацкой, власти боялись ожесточить «иноверцев». Вместе с тем, автор указывает еще на одну причину отсутствия активной миссионерской политики – это недостаток сил и средств у православной церкви и правительства [3, с. 24]. А.Ю. Конев характеризует пассивную политику христианизации нерусских народов Сибири «мировоззренческими установками деятелей самой Русской православной церкви», которые относились более строго к крещению «иноверцев» нежели государство, разрешавшее крестить всех желающих [4, с. 53–54].

Начиная с правления Петра I политика государства в отношении сибирских «инородцев», в том числе и татар-мусульман Сибири, начинает меняться. В 1703 г. был издан указ о запрете строить мусульманские мечети вблизи церквей, а в 1714 г. указ о насильственном крещении татар наряду с остяками и вогулами [5, с. 105, 112]. В первой половине XVIII в. в Тобольском и Тарском уездах из 133 мечетей было сломано

98 [6, т. XIV, ст. 609]. Насильственные методы иницировались архимандритом Филофеем Лещинским. Он проводил крещение татар с помощью грозных указов и солдат, о чем сообщал в Москву и Петербург. По данным И.И. Огрызко, в 1752 г. 56 человек тюменских, тобольских и тарских татар подали челобитную Сенату, в которой писали, что всех их «...запирали в темницы и не давали пищи многие дни, потом ковали в железы, и на шею чеши, и привешивали кверху за шею железом... и без всякого чувства накладывали кресты» [7, с. 66].

Но не только принуждением действовали российские власти, они и поощряли перешедших в христианскую веру. В 20–40-е гг. XVIII столетия новокрещенным предоставлялись разного рода податные льготы, награды, в том числе и денежные (законы 1720, 1721, 1722, 1731, 1740 гг.) [6, т. XI. №8236. п. 15]. Применение метода «кнута и пряника» обеспечило некоторый успех, хотя число перешедших в православие в целом было небольшим. По данным ревизии 1782 г. в городе Тюмени и уезде числилось крещенными 173 человека обоего пола, в Туринском уезде – 265 чел. В Тарском уезде – 146 чел. [8, л. 1031; 9, л. 953, 989; 10, л. 1–11].

Некоторые татары, оказавшись в тяжелой жизненной ситуации, пытались изменить свое положение, поскольку знали, что при переходе в христианство власти предоставляли определенные льготы, прежде всего в уплате податей. «Состою я, раба ваша, – писала вдова ясачного татарина Куршука Абашева Илибига Актырышева, – по природе моей в махометанском законе, а ныне, познав христианскую веру, в коей я до окончания моей жизни и святое крещение принять самопроизвольно, а не по принуждению какому, со усердием моим желаю, о чем и скаскою в Тюменской воеводской канцелярии объявила. При том же желаю в тое ж христианскую веру привести и дочерей своих...» [11, л. 44]. Вероятно, в данном случае женщина, оставшись без мужа и имея на руках двух несовершеннолетних дочерей (из дела узнаем имена девочек – Кутлугуса и Пустана), действовала исходя из материальных соображений.

Другие соображения руководили, очевидно, Айжой Сеитовой, жительницей Тары, дважды подвергшейся суду – за прелюбодеяние и кражу. Женщина, желая избежать уголовного наказания, подала прошение о принятии «святого крещения» с малолетней дочерью Сабурой [12, л. 12–13, 22 (1833 г.)].

Опасаясь влияния татар-мусульман на новокрещенных, власти пытались оградить последних от нежелательного соседства переселением их в другие деревни. Указами 1747 и 1757 гг. запрещалось строить мечети в селениях, где православное и мусульманское население проживало смешано [5, с. 118,157]. Эту же цель преследовал запрет мусульманским миссионерам читать проповеди среди русских христиан и новокрещенных. Дело в том, что в еще 1724 г. Ф. Лещинский писал Синоду о том, что татары «подъезжают к новокрещенным и, смущая, велят именем своего начальника Сабанака церкви жечь, попов и причетников до смерти побивать и кресты побросать» [7, с. 68]. Ответом на это явился указ от 7 сентября 1727 г., в котором говорилось: «Буде кого басурман какими-нибудь мерами и насильством или обманом русского человека в свою басурманскую веру принудит и по своей басурманской вере обрежет... и того басурмана по сыску казнить, сжечь огнем без всякого милосердия...» [13, л. 6]. В то же время власти оказывали поддержку христианским проповедникам. Указ от 28 сентября 1744 г. гласил: «Когда в татарские жилища будут приезжать русские духовные персоны для проповеди слова божия и им татарам тем проповедникам никакого озлобления и препятствия не чинить и ежели кто из них татар по своему соизволению пожелают воспринять веру греческого исповедания, им татарам желающим никаких озлоблений и обид не чинить» [14, л. 38].

При Екатерине II правительство отходит от насильственных мер по крещению сибирских татар-мусульман. Власти становятся «на путь примирения с исламом в целях использования его наравне с православием» [7, с. 73]. Первым шагом на этом пути явилось учреждение в 1789 г. в Уфе Оренбургского духовного Соборания и назначение главы магометанского духовенства – муфтия.

В компетенции духовного Соборания находились многие вопросы, касавшиеся религиозной сферы. Оно подвергало приходское духовенство предварительному испытанию в знании Корана, назначало на должность, а также лишало духовного звания. Кроме того, в Соборании рассматривались дела мусульман, касавшиеся религиозной сферы и нравственности. Однако решения по этим делам проводились и окончательно принимались с согласия губернского правления.

По существующему правилу духовные лица избирались жителями селения – общим собранием прихожан, независимо от сословной и этнической принадлежности. По закону 1876 г. при выборе духовных лиц устанавливалось правило: на избрание их должно быть изъявлено желание 2/3 «старейшин» семейств прихода. Приговор подписывали все избравшие лица, затем через волостного старшину его передавали в уездное полицейское управление, а оттуда в губернное правление, которое и утверждало выбор

окончательно [15, с. 3]. Таким образом, предоставляя определенную самостоятельность мусульманской общине, власти в то же время старались установить пределы этой самостоятельности.

Регламентации со стороны правительства коснулась и деятельности духовного собрания. Устанавливаются правила, по которым могли быть назначены члены собрания. Главным условием было успешное выполнение испытаний по русскому языку в объеме курса городских училищ. От кандидатов на должность сельских мулл требовалось свидетельство о знании русской разговорной речи и умении читать. Испытания по русскому языку и выдача свидетельства духовным лицам производились особыми комиссиями, учрежденными по распоряжению Министерства народного просвещения в городских учебных заведениях. Сам муфтий назначался в должность по представлению министра внутренних дел.

Инструкции и рекомендации правительства должны были учитываться и при построении мечетей. По закону требовалось, чтобы «при мечети прихожан было не менее 200 наличных душ мужского пола». Другим условием было обеспечение сельскими обществами содержания мечети и духовенства при ней. По указу Правительства от 13 декабря 1817 г. христианские церкви должны были строиться посреди селений, «в местах со всех сторон открытых». Это правило, согласно закону от 31 мая 1829 г., касалось и строительства мечетей. Строительство новых мечетей допускалось не иначе как по представлениям от приходов и духовенства Оренбургскому духовному соборанию с утверждением губернского правления [15, с. 264].

В 1844 г. были приняты высочайше утвержденные чертежи, которыми прихожане должны были руководствоваться при построении мечетей. Правда, допускалось строительство мечетей по планам самих прихожан, «какие прихожанами будут признаны удобными», но в этом случае всегда с утверждением уездной администрации. По существующему закону мечети строились на площадях, а при отсутствии их – на расстоянии не менее 20 сажень от домов и других строений [15, с. 265].

В архивах имеются прошения от татарских общин, адресованные уездным властям о разрешении строительства и ремонта мечетей. В прошении доверенного ясачного татарина Курмана Сеитова от общества деревни Ковинской Тарского уезда в уездное правление о разрешении построить в деревне мечеть, необходимость ее строительства объяснялась «отдаленностью места к богомолению, а паче неудобство в осеннее и летнее время ехать в деревню Устешенскую» и тем, что «многие умирают без отпеву». Далее в прошении отмечалось, что «без позволения начальства к постройке той мечети и выбора в муллы приступить общество не может, а потому просит по вышепрписанным об-

стоятельствам в деревне Большой Ковинской мечеть приказать им построить и в муллы Сеита Туинина по общественному приговору приказать утвердить» [16, л. 1].

Татары Уватской волости приговором от 3 июня 1874 г. ходатайствовали о постройке в юртах Митькинских на собственный счет указного муллы Абу-тахманова («по бедности жителей тех юрт») новой мечети. Губернское правление «при удостоверении, произведенном вследствие такого ходатайства, нашло, что в предполагаемом приходе имеется лишь 100 ревизских душ. Губернское правление, руководствуясь законом, согласно которого прихожан при мечети должно было состоять не менее 200 ревизских душ, оставило ходатайство без удовлетворения» [17, л. 26–26об., 33]. Данный пример, однако, нельзя рассматривать как правило, это скорее исключение. Анализ ведомостей о наличии в татарских селениях мечетей показывает, что даже меньшее число прихожан, чем требовалось по закону, не было препятствием для их строительства. Так, в Ялуторовском уезде мечети имелись в следующих, небольших по численности населения, юртах: Сунгуровских (54 ревизские души), Кошелевских (51), Осиновских (85), Новоатъяловских (175), Авазбакеевских (67), Красноярских (13), Озернинских (20), Ревдинских (86), Нижне-Ингалинских (106). В Тюменском уезде наблюдалась аналогичная ситуация; здесь из 25 приходов лишь в двух насчитывалось требуемое число прихожан. Из 32 мечетей, имевшихся в Тарском уезде, лишь в четырех число прихожан соответствовало установленной норме [18, л. 24–57об.].

В юртах Казаровских Тюменского округа деревянная мечеть, построенная приблизительно в 1820-х гг., со временем пришла в ветхость, но отремонтировать ее своими силами прихожане не могли, поскольку многие из них были «самого бедного состояния». Видя это, Бибихатига Абсалимовна, жена зажиточного бухарца Ембаевских юрт Хайбуллы Сейдукова, изъявила желание на собственный счет, не требуя помощи от прихожан и казны, перестроить эту мечеть на каменном фундаменте. В данном случае губернское правление не нашло причин препятствовать этому, обязав, однако, полицейское управление «иметь наблюдение за правильным ведением перестройки мечети» [19, л. 35–35об.].

Обычно мечети у сибирских татар строились на общественные средства. В ведомости о магометанских мечетях по уездам за 1828 г. указывалось, что «мечети везде строены на общественные суммы» [18, л. 24–25об.]. Содержание мечети (расходы на отопление, освещение) и духовенства при ней лежало на татарской общине. Каждый общинник обязан был жертвовать в пользу мечети 1/10 часть хлеба («ошэр»), в некоторых местах – 1/5 часть (пищем) от собранного урожая: две части овса, две – ржи, одну – пшеницы,

а также одну копну сена с десяти. Кроме того, имамы и муэдзины получали от прихожан вознаграждение за совершение различных обрядов: за наречение имени новорожденному, совершение бракосочетания и за молитвы во время похорон и после них. Значительные пожертвования в пользу духовенства поступали в дни мусульманских праздников – Курбан-байрам, Ураза-байрам. После поста-ураза каждый правоверный давал мулле муки, денег, а также шкуры и мясо животных, убитых во время праздника Курбан-байрам. Нередко пахотные и сенокосные пай мулл обрабатывались общинниками безвозмездно (полевые материалы автора, собранные в 2000–2005 гг. в Тобольском, Вагайском, Уватском районах Тюменской области).

В показанных выше делах (прошениях татар о разрешении строительства мечетей) находились обязательства общин об обеспечении расходов на содержание мечети и духовенства. Так, прихожане Казаровской мечети в приговоре, постановленном 20 января 1885 г., заявили, что «после перестройки мечети они обязуются ремонтировать и доставлять отопление и освещение для нее, а также и содержание тому духовенству, которое будет состоять при мечети» [19, л. 35об.]. Иногда, как уже отмечалось, богатые татары и бухарцы возводили и ремонтировали мечети на собственные средства. Случалось, некоторые из них объезжали мусульман, живущих в разных местах, с целью сбора денег на постройку. Так, стараниями Тухтасына Сафаровича Айтмухаметова, состоятельного мусульманина, в конце XIX в. была построена в Тобольске каменная мечеть; средства на постройку были собраны им путем объезда единоверцев, живущих в губернии [20].

Возвращаясь к вопросу о крещении татар, необходимо отметить, что мероприятия властей позволили привлечь к православной вере лишь часть мусульман Сибири. Чаще это были татары, проживавшие рядом с русскими и общавшиеся с ними. Например, в 1833 г. переселенец из Казанской губернии Сейфугдин Мрясов подал прошение о крещении в христианскую веру. Свое желание проситель объяснял тем, что, постоянно проживая в Тобольске среди христиан, «совершенно узнал святость веры их» [12, л. 1]. Свое желание о вступлении в христианскую веру изъявил и татарин Сеит-Патал Маметев, проживавший с детства в русской деревне Копотиловой Адбажской волости Тобольского округа, который и был крещен 30 января 1849 г. «при собрании народа» в церкви с наречением ему имени Василий [21, л. 144–144об.]. Проживая постоянно среди русских, «вполне возлюбил веру в Иисуса Христа» и житель юрт Иштаманских 27-летний Саггыт Иттибаев, который обратился к архиепископу с прошением о приведении его в православную веру [22, л. 1].

Но, даже крестившись, татары сохраняли еще некоторые мусульманские обычаи и традиции. Об этом

свидетельствовали исследователи XVIII–XIX вв. Так, И. Георги, описывая туринских татар, отмечал, что они «обрезания теперь уже не употребляют, и не едят конятины, но гнушаются так, как и магометане, свищиною и другими вещами, которые по Алкорану почитаются скверными. Посты же содержат по уставу то той, то другой веры» [23, с. 31]. У А.А. Щапова находим по этому поводу следующие сведения: «Ясачные, крещенные, полуобруселые потомки их и смешавшиеся с ними русские долго сплошь и рядом отличались татарскими полигамическими наклонностями и непокорностью православно-церковным русским нравам и обычаям... снова обращались к басурманским суевериям, или вернее сказать, упорно сохраняли их» [24, с. 148–149]. Н.М. Ядринцев сообщал о татарах деревни Ямакова Тюменского округа в конце XIX в., которые приняли крещение еще в XVIII в., что несмотря на то, что «все переженились на русских, до сих пор говорят татарским наречием» [25, с. 29].

Эти сведения подтверждаются архивными и нашими собственными полевыми материалами. В архивном деле за 1843 г. отмечается, что в деревне Апталовой Тарского уезда 4 семьи новокрещенных татар, проживая совместно с некрещеными татарами, не выполняли христианских обрядов, «ни за какими требованиями к приходскому духовенству не обращаются и в храм божий не ходят» [26, л. 83–83об.].

Среди «заболотных» татар Тобольского района до сих пор имеются очевидцы того, как крещенные татары деревни Рынья долгое время (вплоть до 60-х гг. XX в., пока деревня не исчезла из-за укрупнения) сохраняли татарский язык и самосознание (полевые материалы автора).

Успех христианизации для официальных властей и православной церкви зависел не только от самого факта крещения, но и от того, насколько вступивший в лоно христианства стал по-настоящему русским. Для того, чтобы процесс «обрусения» происходил быстрее, власти поощряли брачные связи новокрещенных сибирских татар с русскими. Следует отметить, что уже в XVII в. русско-татарские и татаро-русские браки стали обычным явлением [27, с. 88].

Однако имели место случаи другого порядка, когда русские поселялись среди татар и перенимали их обычаи. Н.Н. Фирсов писал о таких отношениях: «Бывало так, что, поселившись на время в татарских юртах, привыкнув есть и пить из одних сосудов с татарами, упиваясь с ними в посты и пользуясь их женщинами, русские люди так обживались, что оставались в юртах на много лет и не строили своих дворов, хотя ничто внешне этому не мешало» [28, с. 57, 67].

Начиная с XVIII в. православная церковь стала активно препятствовать русским и татарам вступлению в совместные браки. В свою очередь мусульманское духовенство также запрещало браки с иноверцами, т.е. с христианами. Поэтому в XIX – начале XX в.

случаи браков татар-мусульман с русскими стали очень редким явлением. Татарки вообще не вступали в такие браки, в случае выхода русской женщины за татарина она должна была обратиться в мусульманство [29, с. 197].

Однако, как показывают материалы, контакты татар с русскими и новокрещенными сородичами не прекращались. Отмечались случаи брачных и внебрачных связей русских с татарками и татар с русскими женщинами и новокрещенными татарками. Это, по мнению Сибирской губернской канцелярии, угрожало православию. Так, «по извету» татарина Исеневых юрт Сеита Кульмаметьева, новокрещенная татарка Февронья Селянова «имела жительство у татарина Алхана Калева и оставя святое крещение превратилась в прежний свой магометанский закон и с татарами ела и пила и Магомету молилась по их вере». Известны и другие случаи. Например, казак Елисеев имел «блудное смешение с татарскою девкой Шенеей Мемазаровой», «татарин Тарибердей Илгиметов – с русской девкой Анисьей Краснощековой». Некий новокрещенный подал в губернскую канцелярию повинную, в которой сообщал, что «де 1746 г. пался он в блудное дело Медянских юрт с некрещенною девкой татаркою Инакаш Усеиновой по сводничеству тетки ее Анбери Сеитовой, с которою был в блудодеянии сего ноября...». Далее он пишет, что «принужден был с ними есть и пить, что они употребляют, ...привлекали его к своей вере». Как сообщила Тобольская полицмейстерская контора в Духовную консисторию, тобольские татары, уличенные в «блудном воровстве с русскими девками и женками», были доставлены в полицейскую контору, где уплатили штраф [30, с. 251].

Браки же между крещеными татарами и русскими приветствовались церковными властями. Так, в начале XIX в. в Тобольском, Туринском и Тюменском уездах крещенных татар, вступивших в брак с русскими, было 258 душ мужского пола, или около 500 человек. Особенно частыми были смешанные браки крещенных татар с русскими среди обских тюрок, относительно изолированных от основной массы томских татар. По данным Н.А. Томилова, и в настоящее время томские татары помнят, что предки некоторых русских из окрестных деревень некогда были татарами [29, с. 196].

На протяжении XIX в. церковные и светские власти были обеспокоены тем фактом, что некоторые православные русские жили у татар-мусульман, которые их использовали в качестве работников. Тобольская духовная консистория в 1843 г., считая такое «смешение верных с неверными» «вредным и соблазнительным для православия», просила губернатора, а позже и Синод о запрещении такого «смешения». По указанию консистории приходские священники должны были собрать сведения о подобных случаях.

Особенно много таких случаев наблюдалось в Тобольском уезде. Так, например, в юртах Иртышатских у бухарца Алтыбака Аптрасакова и у его сына жили три русские женщины: жена отставного поручика Марина Степанова, «солдатка» Марья Евгиченкова и мещанка Екатерина Александрова. В юртах Сабанаконских у «хорунжего» Кульмаметьева проживала мещанка Анна Зизыкина. В Саусканских юртах у бухарца Намтреима Курбакова проживала «поселянка» Ирина Яковлева. В Исеневских юртах у некоего бухарца Мамета Авазбакиева проживала «солдатка» Марья Боровина. В услужении у сотника Сибирского татарского полка Таштимира Мусина Кульмаметьева находились несколько человек: тюменская мещанская дочь Агриппина Тельнова (она жила у него более 10 лет), Параскева Сумарокова, дворовый Иван Гурьянов и жена его Евдокия Семенова и их дочери – Ольга 13 лет и Надежда 9 лет. В юртах Медянских у татар проживали тобольский мещанин Алексей Нефедьев и «девица» деревни Завальной Матрена Заикина. В юртах Суклемских в татарской семье проживала семья крестьянина Прокопия Сергеева. Несколько русских крестьян проживали в Миримовских юртах: Александр Титков, Абрам Гласков, Иван Бальчугов, Николай Щербаков, Герасим Колобов, Иван Шибаев, Егор Челчугов и две женщины – Ирина Тирахова и Киреева [26, л. 1–16].

Особое беспокойство у церковных властей вызывало то, что эти русские, имевшие жительство у татар, не выполняют христианских обрядов. Результатом деятельности местной церковной власти стал Секретный указ Святейшего Синода от 20 декабря 1850 г., согласно которому православным «не возбраняется находиться в услужении у мусульман». Предписывалось священникам сибирских епархий, в которых «имелись случаи соращения из православия в магометанство, действовать для убеждения отступников мерами благоразумной кротости и христианской любви». В то же время при обнаружении таких случаев необходимо было обращаться к содействию светских властей «для поступления с таковыми по всей строгости законов». В отношении новокрещенных татар, которые «по невежеству» не выполняли христианские религиозные обряды, необходимо было действовать с помощью увещаний [26, л. 1–16; 32–33; 83; 96–99].

Приняв христианскую веру, татары нередко вынуждены были переселяться в русские деревни и села. Новокрещенные татары в уездах поступали под управление особых старшин и этим как бы изолировались от татар-мусульман [31, с. 5; 32, с. 237]. Их брали на военную службу, платили жалованье. Изоляция новокрещенных татар от бывших сородичей-мусульман также способствовала их быстрому обрусению.

Однако, как показывают материалы, процесс языковой ассимиляции крещенных татар был слабым. По утверждению А.П. Щапова, они «лишь в некото-

рых местах переменяли ...своей материнский язык на русский» [33, с. 446]. По Первой всероссийской переписи 1897 г. русский язык назвали своим родным языком только 268 тобольских и 167 барабинских татар. В тоболо-иртышской группе татар даже среди многих крещенных татар в конце XIX в. основным разговорным языком был татарский. Среди них были и крещенные в XVIII в., состоявшие в браках с русскими, но все они говорили по-татарски [34, с. 157].

На протяжении XVII–XX вв. положение новокрещенных изменялось. В XVII в., приняв крещение, татары автоматически выключались из ясачного оклада, переходя в другую сословную категорию. В XVIII–XIX вв. правительство пересмотрело свою политику в этом вопросе; теперь крещенные татары не выключались из ясачного оклада, а лишь получали соответствующие льготы по уплате податей. Законодательно этот процесс был подтвержден «Уставом об управлении инородцев 1822 г.», согласно положениям которого все сибирские татары (ясачные, новокрещенные, бухарцы, оброчные чувальщики) вошли в состав «оседлых инородцев», выделенных не по конфессиональной принадлежности, а по экономико-хозяйственному признаку. Все вошедшие в этот разряд формально приравнивались к государственным крестьянам и торговым в зависимости от рода занятий. Фактически все они освобождались от рекрутской повинности. Как видим, «с 1822 г. принадлежность к разным исповеданиям не рассматривалась законодателем как препятствие для сословной консолидации» [35, с. 71].

Одной из мер, предпринятых властями для сближения крещенных татар с русскими, явилась реформа школьного образования 1870-х гг. В основу организации школ легла педагогическая система известного ученого, миссионера Н.И. Ильминского (1822–1891). Суть этой системы заключалась в распространении среди «инородцев» русского языка «для сближения многочисленной мусульманской массы с русским государством и русским народом». Система Н.И. Ильминского была одобрена правительством и узаконена в 1870 г. в правилах «О мерах к образованию инородцев, относительно татар-магометан». Эти правила были написаны в духе правительственной политики и ставили четкую, недвусмысленную цель – обрусение инородцев и «слияние их с русским народом» [36, с. 53].

Согласно правилам «О мерах к образованию инородцев, относительно татар-магометан», в мусульманских учебных заведениях русский язык вводился как обязательный предмет. Причем татарские общества должны были на собственные средства учреждать классы русского языка при мектебе и медресе. Утверждалось, что «орудием первоначального обучения для каждого племени должно быть родное наречие его», а учителями инородческих школ могли быть «инородцы» и «притом хорошо знающие русский язык,

или же русские, хорошо говорящие по-татарски». Устанавливалось еще одно правило – «должно быть обращено внимание на образование женщин». Справедливо было подмечено, что «племенные наречие и особенности... преимущественно сохраняются и поддерживаются матерями» [15, ст. 1–5]. Таким образом, система Ильминского использовалась не только для обучения крещенных «инородцев», но вообще всех мусульман. В отношении первых она ставила цель «укрепить их в православии». Для них предусматривалось учреждение четырехлетних школ с первоначальным преподаванием «на инородческих наречиях». Для «инородцев»-мусульман предусматривалось создание школ с упором на преподавание русского языка, хотя также допускалось, особенно в первый год обучения, применение родного языка [36, с. 53, 59].

Изучение родного языка в школах системы Ильминского вызвало появление книг на «инородческих» языках. Стали издаваться переводы как учебных, так и церковно-богослужбных православных книг. С этой целью по инициативе Н.И. Ильминского в 1866 г. в Казани была учреждена особая переводческая комиссия при братстве св. Гурия. В продолжение более 30 лет она перевела на языки восточной части России громадное количество книг, брошюр и листов церковно-богослужбного и религиозно-нравственного содержания [37, с. 198]. Издания ее расходились в Сибири в конце XIX – начале XX в. во время охватившего Тобольскую епархию миссионерского движения. Однако эта мера не дала желаемых результатов: мусульмане противились применению этих правил и всеми способами уклонялись от обучения своих детей русскому языку. Русско-татарские школы в Тобольской губернии в этот период так и не появились. Преподавание русского языка осуществлялось лишь в некоторых медресе Тобольской губернии, как, например, в Ембаевском и Турбинском.

Вместе с тем идеи властей нашли отклик среди представителей православной церкви. Стараниями епископа Тобольского и Сибирского Авраамия 8 сентября 1885 г. была создана школа при Иоанно-Введенском женском монастыре для обучения детей русских и татар. Первоначально в нее стали ходить 20 татарских и 16 русских учеников. Обучение состояло в изучении русского языка, «в усовершенствовании в чтении по книге, в передаче прочитанного устно по вопросам учительницы; в списывании с книги и прописей; по арифметике проходили 4 действия с устными задачами». Как указывалось в отчете за 1887 г., «пройдено: первоначальные буквы, склады, складывание отдельных слов и кратких предложений (по русскому языку. – Г.Б.); по арифметике – непрерывный счет до ста, письменное их обозначение и решение кратких устных задач, а по чистописанию заучивание наизусть букв» [38, с. 108]. Отмечалось, что благодаря обучению в этой школе дети татар «вос-

примчивее будут к усвоению в своем быту начал русской гражданственности» [38, с. 11–13].

Все же татары, несмотря на соседство, с неохотой отдавали своих детей в русские школы. Архивные материалы свидетельствуют, что это были единичные случаи. Например, в начале XX в. в с. Бегишевском Тобольского уезда русскую школу посещали всего два мальчика из татар [40, с. 300]. В деревне Луговской Тюменского уезда в 1897 г. в русском училище учился всего один ученик-татарин [41, с. 11]. В целом невысокие результаты мероприятий властей относительно «обрусения» «инородцев» через реформирование школы татар-мусульман вынудили отменить правила «О мерах к образованию инородцев, относительно татар-магометан». 5 февраля 1882 г. Александр III предписывает учебным властям оставить мусульманские учебные заведения «в прежнем положении» и ограничиться лишь сбором статистических сведений о них [42, с. 48].

Более последовательной и целенаправленной в отношении новокрещенных татар была политика Тобольской противомусульманской миссии в начале XX в., которая рассматривала заботу о «новокрещенных» как одну из своих главных задач. Для этой цели Тобольским комитетом миссионерского общества назначались специальные сотрудники. В Тюмени заведение новокрещенными было поручено священнику Зосиму Козлову, в Тобольске – настоятелю Знаменского монастыря игумену Василию. При необходимости к ним обращались за советом и содействием. К праздникам новокрещенным раздавались денежные пособия из сумм, выделяемых комитетом (от 3 до 15 рублей в год), а также брошюры и листки нравственного содержания. Отметим, что такая помощь была необходима, так как татары, принявшие христианство, оказывались в затруднительном положении. Мусульмане изгоняли новокрещенных из своего общества «всевозможными притеснениями, ввиду чего, принявший христианство татарин не может пользоваться земельными угодьями в своем обществе и вынуждается создавшимся положением прекратить свое хозяйство и идти в наймиты к русским» [43]. Разовые пособия, конечно же, не могли решить эту проблему. Поэтому было признано целесообразным выделение земель новокрещенным, на которых они могли бы совместно жить и трудиться. Следует отметить, что такие миссионерские поселения возникают в Оренбургской, Томской, Иркутской епархиях.

Меры по организации поселения новокрещенных в Тобольской епархии предпринимаются лишь в 1913 г., когда число перешедших в православие достигло нескольких десятков. Инициатором создания такого поселения явился священник И. Петров. Им был подан рапорт на имя епископа, в котором сообщалось, что наиболее подходящим для поселения является Балтанский участок Велижанской волости

Тюменского уезда. Участок для строительства поселка был отведен. Поскольку средств для его обустройства не хватало, в августе 1917 г. публикуется воззвание с призывом жертвовать деньги и вещи на «новокрещенную колонию» [44, с. 418]. К концу марта 1919 г. миссионером Петровым было собрано 1426 руб. 65 коп. Но планам по организации поселка так и не суждено было сбыться. Руководству епархии было, очевидно, уже не до борьбы с исламом. И. Петров сдал деньги в Епархиальный училищный совет, а его самого перевели священником в с. Сухоруковское Березовского уезда [45].

Иногда в тех местах, где новокрещенных было несколько человек, как, например, в Тюмени, они объединялись в общества взаимопомощи и защиты от обид своих бывших единоверцев [46, с. 171].

В целом положение новокрещенных татар было непростым вследствие того, что им приходилось жить в соседстве со своими бывшими сородичами-мусульманами, которые весьма негативно относились к «отступникам» от веры отцов.

Политика властей в последней трети XIX в. была направлена на усиление христианской религии, которая называлась «первенствующей и господствующей в империи». В то же время утверждалось, что другие религии, в том числе и мусульманство, «пользуются повсеместно свободным отправлением их веры и боослужения». На основании положения от 11 июня 1885 г. (из Уложения о наказаниях) власти устанавливали привилегию для «господствующей религии» в пределах государства привлекать подданных из других религий в христианскую. Предписывалось «посланных от духовного начальства проповедников Слова божия губернское начальство не только охраняет между иноверными от всяких обид, но и оказывает им, во время проповеди, всякое вспомоществование» [47, с. 202]. В то же время представители других религий «за отвлечение, чрез подговоры, обольщения или иными средствами, кого-либо от христианской веры» приговаривались «к лишению всех прав состояния и к ссылке в каторжную работу на время от 8 до 10 лет». Наказание увеличивалось от 12 до 15 лет, если будет доказано, что при этом применялось насилие для принуждения и отступления от христианства. Вместе с тем закон запрещал препятствовать кому-либо переходить в христианскую веру. Виновные наказывались заключением в тюрьму на время от 2 до 4-х месяцев. Перешедший из христианской веры в другую отправлялся к духовному начальству для увещевания и «вразумления», до возвращения в лоно христианства он не пользуется правами своего состояния, а его имение берется в опеку [48, с. 13; 49, с. 37–40; 50, с. 211–213].

По закону не признавались действительными браки между православными и лицами других вероисповеданий [51, с. 3]. Хотя в другом положении отме-

чалось, что брак православного с иноверным считался действительным, если совершался в православной церкви православным священником [52, с. 13]. Если жена мусульманина принимала крещение, то ее брак с мусульманином считался действительным только в том случае, если муж давал письменное обязательство в том, что он не будет детей, родившихся от этого брака, «ни прельщениями, ни угрозами» склонять к мусульманству, а жену свою не будет укорять [51, с. 5]. Существовала специальная форма обязательства, которое подписывал иноверный(ая), вступающий(ая) в брак с православным(ой): «Нижеподписавший(аяся) (звание, имя, фамилия, вероисповедание) сим удостоверяю, что, вступая в брак (звание, имя, фамилия) православного исповедания, в воспитании обоего пола детей от сего брака буду поступать согласно с законами Государства Российского, то есть буду крестить и воспитывать их в православной вере» [52, с. 13]. Кроме того, священникам разрешалось крестить детей и тогда, когда оба родителя не христиане, но с условием того, что они обязывались выдать подписку о том, что эти дети будут воспитаны в православной вере [52, с. 28]. Кроме того, мусульманину вменялось в обязанность, если он имеет других жен, отказаться от них, а жить «в единобрачном сожителстве». Предписывалось иметь одну жену и человеку, принявшему христианство: «буде новокрещенный имел прежде несколько жен, то, по восприятии святого крещения, он должен выбрать из них одну, с коею жить пожелает, преимущественно же обратившуюся к христианству» [51, с. 5].

Однако положением от 22 марта 1903 г. (Уголовное уложение) и Законом «Об укреплении начал веротерпимости» от 17 апреля 1905 г. предыдущие положения существенно смягчались. Так, теперь за «сворачивание» христианина мусульманином, евреем или язычником, виновный наказывался заключением в тюрьму на срок не свыше 3 месяцев [53, с. 297]. Наказания за «отпадение от православной веры или вероучение» впредь отменялись [54, с. 3].

Таким образом, на протяжении XVII – начала XX в. отношение правительства к татарам-мусульманам Сибири было неоднозначным. Применяя методы прямого насилия наряду с доброжелательным отношением к мусульманам, власти использовали ислам в своих политических интересах. Результаты христианизации среди сибирских татар на протяжении всего исследованного периода были весьма скромными. Поставленная правительством задача русификации сибирских татар практически не была решена. По сути провалилась и реформа Н.И. Ильминского, направленная на «обрусение» «инородцев» через реформирование школы. Несмотря на то, что официальные власти в отношениях с татарами-мусульманами избирают все более лояльные методы, на законодательном уровне подтверждаются права и привилегии православных.

Неоднозначно власти относились к мусульманскому приходскому духовенству сибирских татар. С одной стороны, им предоставлялась самостоятельность в решении многих вопросов в общине. С другой стороны,

власти ставили деятельность мулл под свой контроль, рассматривая их, наряду с выборными сельской общины (старшинами, десятниками и др.), низшим звеном самоуправления у сибирских татар.

Библиографический список

1. Словно-правовое положение и административное устройство коренных народов Северо-Западной Сибири (конец XVI – начало XX века // Сборник правовых актов и документов / ред.-сост. А.Ю. Конев. – Тюмень, 1999.
2. Миненко, Н.А. Северо-Западная Сибирь в XVIII – первой половине XIX в. / Н.А. Миненко. – Новосибирск, 1975.
3. Главацкая, Е.М. Русская власть и коренное население Урала и Зауралья в XVII в. / Е.М. Главацкая // Ежегодник НИИ русской культуры УрГУ. – Екатеринбург, 1995.
4. Конев, А.Ю. О роли конфессионального фактора в процессе интеграции народов Западной Сибири в состав России. XVII век / А.Ю. Конев // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. – Вып. 5. – Тюмень, 2004.
5. Щеглов, И.В. Хронологический перечень важнейших данных из истории Сибири / И.В. Щеглов. – Сургут, 1993.
6. Полное собрание законов Российской империи. – 1832. – Т. XI, XIV.
7. Огрызко, И.И. Христианизация народов Тобольского Севера в XVIII в. / И. Огрызко. – Л., 1941.
8. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области» в г. Тобольске (ГУТО ГА). – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 26.
9. ГУТО ГА. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 31.
10. ГУТО ГА. – Ф. 154. – Оп. 8. – Д. 38.
11. Государственное учреждение Тюменской области «Государственный архив Тюменской области» (ГУТО ГА). – Ф. 47. – Оп. 1. – Д. 4730.
12. ГУТО ГА. – Ф. 156. – Оп. 25. – Д. 18.
13. ГУТО ГАТО. – Ф. 47. – Оп. 1. – Д. 4719.
14. ГУТО ГАТО. – Ф. 47. – Оп. 1. – Д. 4726.
15. Сборник законов о мусульманском духовенстве в Таврическом и Оренбургском округах и о магометанских учебных заведениях. – Казань, 1899.
16. ГУТО ГА. – Ф. 329. – Оп. 13. – Д. 202.
17. ГУТО ГА. – Ф. 329. – Оп. 2. – Д. 265.
18. ГУТО ГА. – Ф. 329. – Оп. 2. – Д. 54.
19. ГУТО ГАТО. – Ф. 80. – Оп. 1. – Д. 5.
20. Зауральский край. – 1915. – №44.
21. ГУТО ГА. – Ф. 156. – Оп. 25. – Д. 82.
22. ГУТО ГА. – Ф. 156. – Оп. 26. – Д. 439.
23. Георги, И. Описание всех в Российском государстве обитающих народов / И. Георги. – СПб., 1799. – Ч. 2.
24. Щапов, А.П. Историко-географические и этнологические заметки о сибирском населении / А.П. Щапов // Известия Сибирского отдела Императорского русского географического общества. – Иркутск, 1872. – Т. III. – №3.
25. Ядринцев, Н.М. Сибирские инородцы, их быт и современное положение / Н.М. Ядринцев. – СПб., 1891.
26. ГУТО ГА. – Ф. 156. – Оп. 25. – Д. 60.
27. Бояршинова, З.Я. Западная Сибирь накануне присоединения к России. Сельскохозяйственное освоение Западной Сибири русскими в феодальную эпоху / З.Я. Бояршинова. – Томск, 1967.
28. Фирсов, Н.Н. Чтения по истории Сибири / Н.Н. Фирсов. – М., 1920. – Вып. 1.
29. Томилов, Н.А. Этническая история тюркоязычного населения Западно-Сибирской равнины конца XVI – начала XX в. / Н.А. Томилов. – Новосибирск, 1992.
30. Бакиева, Г.Т. К вопросу о политике правительства в отношении татар-мусульман Сибири в XVIII–XIX вв. // Материалы Всероссийской конференции «Татищевские чтения». – Тольятти, 2002.
31. Буцинский, П.Н. Открытие Тобольской епархии и первый тобольский архиепископ Киприан / П.Н. Буцинский. – Харьков, 1891.
32. Рабцевич, В.В. К вопросу об управлении аборигенным населением Западной Сибири в 80-х годах XVIII – первых десятилетиях XIX столетия / В.В. Рабцевич // Вопросы истории Сибири досоветского периода (Бахрушинские чтения, 1969). – Новосибирск, 1973.
33. Щапов, А.П. Историко-этнографическая организация русского народонаселения / А.А. Щапов // Сочинения А.П. Щапова. – СПб., 1906. – Т. II.
34. Список населенных мест по сведениям 1868–69 гг. – Тобольск, 1871.
35. Конев, А.Ю. Народы Западной Сибири в системе социально-правовых отношений Российского государства XVII–XIX веков / А.Ю. Конев, Л.А. Абдрашитова // Проблемы взаимодействия человека и природной среды. – Тюмень, 2002. – Вып. 3.
36. Журнал Министерства народного просвещения. – 1870. – №3–4. – Отд. 1.
37. Миропиев, М. Русско-инородческая школа системы Н.И. Ильминского / М. Миропиев // Журнал Министерства народного просвещения. Новая серия. – Ч. XIII. – Февраль. – №2. – СПб., 1908.
38. 25-летие Тобольского Епархиального комитета Православного миссионерского общества. 1872–1896. – Тобольск, 1898.
39. Отчет Тобольского епархиального комитета Высочайше утвержденного православного Миссионерского общества за 1888 г. – Тобольск, 1889.
40. Тобольские епархиальные ведомости. – 1906. – №12.
41. Лысов, А.П. Народное образование в Тюменском округе в 1897 г. / А.П. Лысов. – Тюмень, 1898.
42. Фархшатов, М.Н. Народное образование в Башкирии в пореформенный период (60–90-е годы XIX века) / М.Н. Фархшатов. – М., 1994.
43. ГУТО ГА. – Ф. 58. – Оп. 1. – Д. 1.
44. Тобольские епархиальные ведомости. – 1917. – №30.
45. ГУТО ГА. – Ф. 58. – Оп. 1. – Д. 71.
46. Иванцова, Г.И. Противомусульманская миссия новокрещенного Ефрема Елисеева в Тобольской епархии / Г.И. Иванцова, Е.Н. Коновалова // Материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». – Тобольск; Омск, 2002.

47. Сборник действующих и руководственных церковных и церковно-гражданских постановлений по ведомству православного исповедания. – СПб., 1885. – Т. 1.

48. Свод законов Российской империи. – Т. XIX. – СПб., 1890.

49. Свод законов уголовных. Ч. 1: Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. – СПб., 1895.

50. Уложение о наказаниях уголовных. 1885. – 9-е изд. – СПб., 1898.

51. Законы гражданские. Свод законов. – Т. X. – Ч. 1. Изд. 1900 // Сборник материалов по вопросам о смешанных

браках и о вероисповедании детей, от сих браков происходящих. – СПб., 1906.

52. Устав духовных консисторий. ПСЗ. – №1495. 1883 // Сборник материалов по вопросам о смешанных браках и о вероисповедании детей, от сих браков происходящих. – СПб., 1906.

53. Российское законодательство X–XX веков. Т. 9 : Законодательство эпохи буржуазно-демократической революции. – М., 1994.

54. Новый закон об укреплении начал веротерпимости (Высочайше утвержденный 17 апреля 1905 г.) // Собрание узаконений. – №63. – СПб., 1905.